

Глазами очевидцев

Сорококовы,

Первый день на войне

Осипенко Федор Сафонович - из семьи смоленских крестьян. В 30-е годы, спасаясь от голода в Центральной России, решили перебраться в Сибирь, куда еще в 1919 году уехал двоюродный брат отца.



Обосновались в алтайской деревне Шишино. В 1941 году, сразу после начала войны, отец попал в рабочий батальон - до 1947 года добывал торф на Урале. Федора, старшего сына, призвали в 1943 году, когда ему еще и 18 лет не было. В октябре 1943 года из Бийска поехал на фронт.

Федор Сафонович вспоминает: - Доехали до Брянского леса. Осталось километр-два, как налетели шесть "мессершмиттов". Паровоз начал гудеть - "воздух"! "Мессеры" кружат на бреющем, расстреливают нас. Одно спасение - бежать, и я бежал, пока не выдохся. Упал и слышу - самолет летит прямо ко мне. Глаза закрыл и уже не думал ни о чем. Но, оказалось, надо мной "мессеры" ухаживали на разворот.

Мы все время были на прорыве. Прорвав оборону, надо было держаться до подхода основных сил. Однажды пришлось с горы атаковать немцев, окопавшихся в низине. Какой силы их оборона, мы не знали - две наших разведки не вернулись. В четыре утра мы поперли. И давай они по нам лупить. Они нас видят, а мы про них ничего не знаем. Наши танки горят светло, как днем. 800 метров надо было пройти, и не прошли мы.

Федор Осипенко с боями прошел Польшу, Австрию, Пруссию, Германию, Чехословакию. Домой солдат вернулся только в апреле 1948 года. С праздником Победы поздравил его трое детей, шестеро внуков, маленькие правнуки.

Связист

Алексей Ефимович Кузьмин вообще-то не должен был попасть на войну: в мирное время армейская медкомиссия забраковала его по зрению. В 1941 году 27-летний Алексей Кузьмин работал главным бухгалтером промартеля "Любимый труд". Но когда началась война, сержант Кузьмин был зачислен в 108-й стрелковый полк 312-й стрелковой дивизии на должность начальника радиостанции.

В августе 1942 года он был на волосок от смерти. На позиции полка налетели немецкие самолеты, посыпались бомбы. Алексей Ефимович вспоминает: "Звук у них такой свистящий, режет слух. Одна только мысль: "Господи, спаси, земля, - укрой!" Бомба шарах-



Кузьмин Алексей Ефимович.



Кузьмин стоит первым слева.

нула метрах в пятнадцать от блиндажа. Всех разметало, а меня завалило землей.

Кузьмин чудом остался жив. Вытащили его уцелевшие связисты. Они увидели - сапоги торчат из земли. Решили - кому-то ноги оторвало. Потянули - никак. Начали откапывать - а тут человек целехонек да еще и глаза открыл! Кузьмин вспоминает:

- Они кричат мне, радуются, а я не

реагирую - оглушило напрочь и речь исчезла. Три дня я в санчасти в себя приходил, а потом в часть вернулся и там малопомалу пришел в себя, слух вернулся.

Однажды все-таки Алексей Ефимович был ранен. Рассказывает об этом так:

- Я уже опытный был, обстрелянный. Бывало, пуля свистит, а ты уже по звуку знаешь, докуда она долетит и куда надо отпрыгнуть. А тут, видать, не услышал. Пуля попала в руку, переломала ее и в ребро вошла. Я аж согнулся от боли. И думаю: "Беги, друг, падать нельзя".

После ранения Кузьмина зачислили в учебный полк - учить радистов. День Победы он встретил в дороге - эшелон шел из Киева на Дальний Восток, на войну с Японией. Алексей Ефимович до сих пор с огромным волнением вспоминает, как узнал о Победе:

- На маленьком разъезде под Москвой эшелон внезапно остановился. Все заволновались - такого не могло быть, эшелон шел по спецрасписанию. И вдруг кричат - Победа! Что началось!.. 59 раз отмечал я этот день, а то чувство было самым сильным. Самый радостный день в моей жизни был.

Домой Алексей Кузьмин вернулся 5 ноября 1945 года. Работал в лесной промышленности, от начальника лесопункта прошел путь до директора леспромхоза. В 2004 году Алексей Ефимович отметил 90-летие.

Валентина НАДЕЕВА, руководитель школьного музея Ларичихинской средней школы.

На Алтае нашли и родину, и родителей

Война жестоко ломала судьбы людей. Особенно пострадали дети, потерявшие своих родителей, разьединенные с братьями и сестрами. Коротченкова Татьяна Григорьевна узнала всю правду о себе и своих родителях уже став взрослой. Она и не подозревала, что вместе с братом Толей имеет отношение к Ленинграду.



Приемные родители Татьяны Григорьевны - Григорий Васильевич и Мария Кирилловна Малинкины.

Родилась Татьяна в 1939 году. С тех пор, как помнила себя, жила в алтайских леспромхозах - в Листвянке, Хмелевке, Аламбае, Шишино, с 1964 года - в Ларичихе.

Отец - Григорий Васильевич Малинкин работал главным инженером в этих лесхозах. Жену, Марию Кирилловну, привез в Сибирь с Украины, где служил в армии.

Уже после смерти отца его друг, директор местной АТС, рассказал Татьяне, что ее и Толика вывезли из Ленинграда во время блокады. Родителей у них не было, отправили их в детский дом в Томске, откуда и забрали их Григорий Васильевич и Мария Кирилловна - усыновили и перевезли на Алтай. Все это подтвердил и секретарь парткома Сидякин Афанасий Павлович, один из немногих, кто знал и много лет хранил эту тайну.

Уже после смерти матери Татьяна Григорьевна нашла в сундуке письмо, из которого узнала, что Толик - не родной ее брат. Но и здесь что можно было изменить - никого роднее друг друга у них не было.

Уже после своего выхода на пенсию Татьяна Григорьевна отважилась послать в Ленинград запрос. Переписка длилась год. Наконец пришли документы, подтверждающие, что она в войну грудным младенцем была подброшена в ленинградский детский дом, а эвакуирована из Ленинграда 15 июля 1942 года в Ярославскую область.

Татьяна Григорьевна вышла замуж за Петра Емельяновича Коротченкова, они воспитали троих детей. У Татьяны Григорьевны есть удостоверение "Житель блокадного Ленинграда", а 9 мая 2004 года она получила медаль "В память 300-летия Санкт-Петербурга" с удостоверением, подписанным губернатором Валентиной Матвиенко.

Вера НАДЕЕВА, учитель истории средней школы села Ларичиха. Тальменский район.



Коротченкова Татьяна Григорьевна - в архивах значилась как Исакова Тая.

Вадим ЯВИНСКИЙ, заслуженный работник культуры РФ

Две истории, связанные с войной

Прошедшее страстно глядится в грядущее. Это сказал кто-то из великих, кажется, Александр Блок. В свою очередь, очевидно, и грядущее с меньшей страстностью устремляет взгляд, или, говоря по-старинному, вперяет взор в прошедшее, с ним сверяет и свой еще только угадываемый путь, и свои начинания, и свои мечты. Об этом невольно думаешь, приближаясь к юбилею Победы, связывая свое сугубо личное с тем, что было с народом и страной в памятные годы военной поры.

"Взлети выше солнца!"

В Барнауле на мемориале Победы озаренный вечным огнем металл хранит три родных слова: "Поротников Александр Иванович". Это мой двоюродный брат, он же мой крестный отец, боевой командир, погибший совсем молодым в первых боях Великой Отечественной. На его фотографию с любовью гляжу каждый раз, когда бываю у его вдовы Анны Ильиничны Петровой.

Однажды старушка посоветовала: почему сейчас ни по радио, ни по телевизору не передают песню "Орленок"?

- Саша очень любил ее, - пригориюлась Анна Ильинична и чуть слышно не столько пропела, сколько продекламировала: "Не хочется думать о смерти, поверь мне, в шестнадцать мальчишеских лет..."

Не ругаясь, что так оно и будет, я все-таки заверил: услышим, когда всем опостылят раскрученные продукты шоу-бизнеса. И тогда же решил: непременно расскажу о встрече с автором "Орленка" у нас в Барнауле не только вдове, но и всем.

Это было в июне 1972 года, когда на Алтае проходили Дни советской литературы. Многих известных писателей и поэтов принимал я как главный редактор на студии телевидения, с некоторыми побывал на их встречах с учителями городов и сел (кое о ком уже рассказывал на страницах "Алтайской правды"). А вот с этим человеком познакомился чуть ли не в последний день литературного праздника. Он не сидел в президиумах, скромно держался в стороне от знаменитостей, за которыми гонялись журналисты, добывая желаемые интервью. Спросил у Евгения Долматовского, с которым по-счастливилось совершить путешествие по Горному Алтаю, кто этот литератор. "Яков Захарович Шведов", - удивился моему невежеству Долматовский.

Быстрее домой, за книжечкой стихов Шведова, и вот мы уже знакомимся, и Яков Захарович смущается от неожиданного интереса к нему, но когда речь заходит об "Орленке", о том, что связано именно у меня с этой песней, мы становимся все ближе и открываемся.

- А вы знаете, - рассказывал Шведов, - в 1943 году Первая Образцо-

вая типография напечатала книжку-листовку "Орленок", где под каждой строкой была помещена цветная иллюстрация - герой песни сражался с фашистами и побеждал их. Весь тираж издания был отправлен в действующую армию и особенно в партизанские края вместе с боеприпасами и продовольствием.

- Значит, "Орленок" помогал многим, и моему брату воспитывать настоящих бойцов?

- Будем надеяться. Правда, летом 1941 года нам было не до песен. Молча отступали и молча впервые, зимой 1942 года, стали наступать, но никогда песню в обиду никому не давали...

- Как это понять?

- Такой же вопрос задал мне и Михаил Васильевич Исаковский. И я, с первого и до последнего дня войны находившийся на фронте, рассказал ему вот такую историю. Осенью 1941 года после отступления от Киева мы заняли оборону, как говорится, на заранее подготовленной позиции. Небольшая, но боеспособная, с бочагами и омутами речушка разделяла наши траншеи от вражеских. Фашисты в свое время где-то прихватили патефон с пластинками и каждый вечер заводили его, и далеко по округе звучала, к примеру, песня о Катюше. Я и не думал льстить Исаковскому, все было на самом деле так. Не выдержали наши солдаты: ночью, перед рассветом, разведчики на плотике переплыли речку и отбили патефон с пластин-

ками, а заодно и "языка" прихватили. В тот же вечер "Катюша" выходила уже на другой, на наш бережок. Конечно, это было приятно узнать автору любимой всеми песни.

- А "Орленка" вы на фронте слышали?

- В разное время и песни были разные. Знали и любили гимн Днепр-Долматовского, пели Чуркинскую "Прощай, любимый город", полюбился и "Огонек" Исаковского... А с "Орленком" уже после войны вот что произошло. Челябинские комсомольцы воздвигли памятник герою песни, воздвигнув этим самым подвигом всех юных бойцов - от гражданской войны до Великой Отечественной. Это, пожалуй, самый первый памятник литературному герою в нашей стране.

И мы заговорили о других песнях Якова Захаровича, ставших тоже народными: "Смуглянка", "Рос на опушке рощи клен", "Где признание начинается" и других. Я жалел, что не было со мной магнитофона, да он, наверное, помешал бы искреннему и доверительному разговору. Только и остался у меня на книжке стихов его автограф "Вадиму Явинскому. Душевно. Яков Шведов". Вспоминая об этой встрече, завидую человеку, который жил не прошлыми своими заслугами, а настоящим и будущим, тем, во что неизменно верил:

Березка, солнышко, Россия
Живут и вечно будут жить.

Песня Якова Шведова и книга

Сохраненный Барнаулом

А в следующей истории я не принимал участия, потому что не жил тогда в Барнауле, но герои ее были моими ровесниками. Много общего оказалось у поколения, родившегося в тридцатых годах: война, тревожные сводки Совинформбюро из черных тарелок репродукторов, корочки на хлеб по 300 граммов в день на иждивенца, добытый где-то кусок сладчайшего подсолнечного жмыха, как гром среди ясного неба похоронки с фронта, гул близящейся Победы, возвращение живых родственников с войны и горькие слезы о не-вернувшихся. В отрочестве, совпавшем с годами лихолетья, легко найти зародыш всего, что позже определяло жизнь как отдельного человека, так и всего поколения в целом. Тогда созревание происходило мгновенно, подросток, что в прифронтовой обстановке, что в глухом тылу, переиначивая слова Николая Островского, закалялся, как сталь.

История же началась не в нашем городе, а в Москве, когда весной 1941 года правительственным постановлением был создан Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, знаменитый ЦГАЛИ, принявший автографы классиков русской литературы, рукописи многих советс-

ОГНЕВЫЕ...

Максимовы вернулись все

Михаил Семенович Максимов родился в селе Речкуново Тальменского района. Он был вторым сыном, а всего в семье было пятеро детей. Отец, Семен Филиппович, работал на лесосплаве.

Когда началась война, первым из семьи, летом 1941 года, ушел на фронт отец. Он попал под Ленинград. Получил ранение, попал в плен. Отцу повезло: взял к себе на работы немецкий земледелец. Домой он вернулся даже раньше своих сыновей-фронтовиков - в мае 1945 года.

Александра, старшего брата, призвали в 1942 году. Он был десантником, совершал долгие рейды в тылу противника. Порой вестей от него не было по полгода. Но жив остался, домой вернулся в апреле 1949 года.

Михаила призвали в 1943 году. Стал минометчиком. 6 ноября эшелонами отправилась часть на фронт. Новобранцы попали в пекло - в бои вокруг Корсунь-Шевченковского котла. Окруженные немцы яростно пытались вырваться. Михаил Семенович до сих пор помнит места боев: Тыновка, Павловка, Виноградовка. У деревни Толстые Роги Михаил был ранен: немецкая мина шлепнулась рядом. Михаил Семенович говорит: "Я думал, руку оторвало. Еще в себя толком не пришел, стал ошупывать - слава Богу, рука на месте".

Три месяца после этого - в госпитале. Потом был зачислен в отдельный 1257-й зенитно-артиллерийский полк, развозил по батареям боеприпасы, дошел до Берлина.

9 мая, когда вся Европа праздновала окончание войны, армия Рыбалко поспешила на помощь Праге. Михаил Семенович говорит:

- Обидно было погибнуть после Победы. Я там под жестокую бомбежку попал. Получил второе ранение - все тело изрешетило мелкими осколками, до сих пор они выходят.

Домой солдат вернулся только 19 мая 1946 года. Вот так, наконец, собралась вся семья.

Михаил Семенович работал водителем в леспрохозе, трудился всегда ударно. Вырастил детей, а теперь есть и внуки, и правнуки!



Колонна ветеранов ВОВ 9 Мая шествует к месту проведения митинга. Возглавляет колонну М. С. Максимов.

Моя война

Как мы заехали в колонну немцев



Алексей Павлович Уманский: на войне - танкист, сейчас - доктор исторических наук, профессор БГТУ, г. Барнаул.

На войне бывало всякое. Расскажу эпизод, который случился в 1945 году. В январе войска I Украинского фронта, прорвав оборону немцев, со знаменитого Сандомирского плацдарма вторглись в Силезию. Наш 118-й гвардейский отдельный танковый полк двигался впереди корпуса. В первые дни наступления мы захватили несколько немецких машин. Среди них "Унион". На "Унионе" была радиостанция с антенной, похожей на железную кровать. Машина была оборудована по-европейски толково: антенна поднималась поворотом рукоятки, расположенной внутри салона; в салоне - полированный стол, приемник и радиопередатчик, между сиденьями - гнезда для автоматов; под ногами для обогрева по жестяной трубе проходил отработанный газ. Была и агитация: на шторе был изображен человек в шляпе и написано "Файнд херт мит" ("Враг подслушивает!"). Короче - полный комфорт!

На этой рации я и работал

На вторую неделю наступления, уже в вечерней темноте, я внимательно слушал переговоры командира взвода танков и начальника штаба. Вдруг начальник связи капитан Морозов откинул шторку между кабиной и салоном и крикнул: "Уманский! Смотри, как фриц нам движение регулирует!" Я гляжу в окно: впереди справа были силуэты машин, двигавшихся к нашей дороге, стоял человек с зеленым фонариком и настойчиво указывал нам, что надо повернуть налево. Регулировщик и правда был немец! Он появился здесь уже после того, как прошли наши танки, и принял нас на трофейных машинах за отступающих немцев. За нами проехали еще несколько машин взвода управления - "Форд" и "захары" ("ЗиСы"), но одну трофейную машину - с шофером и ординарцем начальника штаба - немец все же повернул в свою сторону. Причем из одной нашей машины вылез замполт полка капитан Сныткин и несколько раз выстрелил в регулировщика из пистолета. Но не попал.

Наши ребята, попавшие в немецкую колонну, вместе с ней остановились километра через два. Шофер устало склонился на руль, а ординарцем прислушался к разговорам на дороге. Тут к машине подошли трое, и в свете фонарика ординарец увидел, что форма на них - немецкая! Он дал очередь прямо через лобовое стекло, вместе с шофером вывалились из машины и оба побежали на гул танков, к своим. Немцы начали стрелять вслед, но только ранили шофера в руку. Но тут подошли наши танки...

Кстати, наш комполка всегда выбирал "неудобные" пути. И потом танки по лесной дороге скрытно подошли к реке Нейсе. В темноте наши разведчики сняли на мосту часовых, захватили будки, где вповалку спали немецкие солдаты. После разминирования на правый берег Нейсе переправились танки, мы заняли круговую оборону. Целую неделю немцы пытались ликвидировать наш плацдарм: бомбили самолеты, наседала пехота. Потом к нам прорвались основные части корпуса, и нас отправили в ближний тыл - на отдых и переформировку. Это был наш последний отдых перед стремительным броском на Берлин и затем - на Прагу.

Николая Островского

ких писателей, сокровища родовых и семейных архивов XVIII-XIX веков, связанных с литературой, например, материалы Жуковского и Гоголя, Герцена и Чехова, Аксакова и Достоевского, Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского, Анны Ахматовой и Демьяна Бедного, а также других знаменитостей.

Начавшаяся война заставила отправить бесценные фонды в эвакуацию. В июле 1941 года первый архивный эшелон прибыл в Саратов, а когда бои приблизились к городу, папки, коробки, сундуки были перевезены на Урал, в город Шадринск. А сбор ценных архивных материалов продолжался в Москве: издательства, редакции журналов и газет, музеи свозили свои сокровища, наполняя новый эшелон. Он-то и был отправлен в Барнаул в июне 1942 года. И покатали по рельсам поезда - с востока с вооружением для армии, с запада - с архивными бумагами.

...Накупавшись в Оби, обшарив в поисках еды чужие и свои огороды, истоптав базарную площадь, барнаульские пацаны однажды увидели необычное. От товарной станции мимо Алтайских и Песчаных улиц вниз к Оби сначала грузовик, а потом неказистая лошадка перевозила какой-то странный груз, доставляя его к бывшей церкви. Незнакомые люди разгружали машины и телеги, вносили что-то в здание, снова уезжали и опять

возвращались. Сведущая ребятня пересказывала друг другу: сначала непонятный груз хранили в каком-то гараже, потом в аэро клубе, а когда прибыли еще вагоны, то все доставленное железной дорогой и стали перевозить в церковь. Прибывшие с грузом люди поселились неподалеку, в Доме крестьянина за Барнаулкой, а семейные устраивались на квартирах неподалеку от церкви. И вот тогда-то стало известно, что это эвакуированные из самой Москвы, а вот привезенное ими все еще оставалось тайной...

Москвичи работали не только по архивной части, разбирая многочисленные коробки, стоящие штабелями и потому время от времени падающие на пол церкви и травмирующие сотрудников, особенно женщин. Все лето и осень они заготавливали на зиму дрова из бревен, сплавляемых из Затона, ездили на уборку урожая в ближайшие села, восхищались невиданными раньше крутобокими, сочными, сахарными помидорами и даже дынями с арбузами.

Не обошлось в эту пору и без ЧП. Обратимся к воспоминаниям архивиста А.А. Евсеевой и Э.Р. Коган, опубликованным в 1986 году в сборнике ЦГАЛИ "Встречи с прошлым".

"Однажды утром, придя в церковь, сотрудники были потрясены видом своего хранилища. На всех коробках были перерезаны верев-

ки, все разворочено. Но дверь и окна были закрыты. Немедленно сообщили в милицию. У них на учете были некоторые подростки, проживавшие на ближайших улицах. Они были вызваны, и выяснилось, что мальчишки проникли в церковь через поврежденный купол и опустились (с большой высотой) по веревкам. В коробках они надеялись найти что-то ценное, а там оказались одни "бумаги". Единственное, что было похищено, - это книги Николая Островского "Как закалялась сталь" с его подписями. Они были найдены и возвращены на место".

В апреле 1944 года архивам ЦГАЛИ было разрешено вернуться в Москву. Все было погружено в эшелон в целости и сохранности. Барнаул вернул сокровища туда, где многие годы пять прописных букв и адрес - Москва, Ленинградское шоссе, 50 - знали во всех странах мира. И это неудивительно: более 40 миллионов листов в коробках архива, а еще около 2000 фондов личных и учрежденческих, от Ломоносова до Ильфа и Петрова, от экспонатов Пролеткульта до собственных микрофильмов значилось к концу XX века. Неслучайно ЦГАЛИ посещают ученые, журналисты, писатели, режиссеры, музыканты, аспиранты и студенты. И лишь немногие из них знают, что богатства, которыми они пользуются, в годы войны хранились в Барнауле.